

Правда. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Правда. Василий Макарович Шукшин

На межрайонном совещании председателей колхозов и директоров совхозов Николай Алексеевич Аксенов, председатель колхоза «Пламя коммунизма», – Аксеныч, как его попросту называли, – выдал такую огневую речь, что сам потом удивился.

Он то гремел с трибуны, подвергая беспощадной критике недостатки в своем колхозе, то, указывая прокуренным пальцем на аудиторию, тихо и строго предупреждал: «Но учтите, дорогие товарищи, мы все это исправим. Исправим». Под конец, правда, он дал маху: забыл в пылу выступления, что кукурузу называют «королевой полей», и назвал ее «русской красавицей». В зале засмеялись и долго хлопали Аксенову.

Сейчас, копаясь в моторе своего «козла», Аксеныч с удовольствием думал: «Могу, язви ты в легкое!»

Сзади кто-то негромко спросил:

– Вы к себе сейчас едете?

Аксенов обернулся: спрашивал невысокий, бритый наголо, с серым лицом, большеротый. Смотрел спокойно, чуть насмешливо. Аксенов узнал: новый директор Березовского совхоза, сосед Аксенова.

– Подбросить, что ли?

– Да.

– Сейчас... – Аксенов опять уткнулся в мотор. – Свечи закидало... – Он вывернул запальную свечу, подчистил ножом контакты-усики, поскоблил, протер, продул и ввернул опять.

Большеротый все стоял и смотрел ему в спину.

«Как же его фамилия?» – пытался вспомнить Аксеныч. Он еще не был знаком с новым директором, но слышал о нем как о человеке странном. В чем заключалась эта странность, он сейчас не мог вспомнить, так же как и фамилию директора.

Во время совещания прошел хороший дождь, дороги размыло.

Пока выбирались на гравийную дорогу, молчали. Задок «козла» заносило из стороны в сторону. Аксеныч ожесточенно крутил баранку и ворчал:

– Черт-те надавал!.. В районном центре не могут дорогу сделать как следует. Ты гляди!..

Большеротый сидел с ним рядом, курил, безучастно смотрел вперед.

Когда наконец выбрались на гравий и машина пошла ровно, Аксеныч откинулся на спинку сиденья, достал одной рукой папиросы, закурил.

– Слышал, как я выступал? – спросил он, опять с удовольствием вспомнив свое выступление.

– Слышал, – откликнулся большеротый.

Аксеныч подождал, не скажет ли он чего еще, и, не дождавшись, спросил:

– Как, по-твоему?

– Что?

– Выступил-то.

– По-моему, плохо. – Большеротый повернул голову к Аксенычу и посмотрел ему

Правда. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
прямо в глаза, просто и спокойно.

Аксеныч на секунду-две забыл про штурвал: засмотрелся на чистые, незлые, насмешливые глаза нового соседа. Взгляд этих глаз был тверд.

Директор первый отвернулся, показал глазами на дорогу. Аксеныч круто вывернул руль, сбавил скорость.

«Завидует, лысан! Сам не умеет выступать и завидует другим», – подумал Аксеныч, но не успокоился от этой мысли.

– Почему плохо?

– А вы думаете, хорошо?

– Я ничего не думаю, – обозлился Аксенов, – я просто спрашиваю, почему плохо, и все.

– Плохо потому, что ничего конкретного. Одни возгласы да обещания. Недостатки, положим, были названы, но... и то, я вам скажу, схитрили вы здесь.

– Как это?

– Назвали такие недостатки, за которые головы не снимают. – Большеротый повернулся к Аксенову и улыбнулся. – Так ведь?

Аксенов презрительно прищурил глаза.

– Чего так? – Он чувствовал себя глупо.

– Клуб не достроили – это полбеды. За это можно бить себя в грудь.

– А еще что? Что я утаил, например?

– А мор свиней в прошлом месяце?.. Это же не стихийное бедствие, это безалаберность. Халатность. – Директор выговорил эти два слова твердым, спокойным голосом – он их не выбирал и ни на мгновение не задумался: говорить ли этими или подыскивать другие? – У вас есть акт ветврача об этом. Скрыли.

У Аксенова от злости засосало под ложечкой. Особенно возмутил его этот спокойный, уверенный тон директора. Он некоторое время молчал.

– Что же ты не сказал об этом?

Директор ответил тоже не сразу.

– Скажу. Вот осмотрюсь немного – начну говорить.

– Достанется нам тогда на орехи! – воскликнул Аксеныч. Он хотел еще добавить: «Таким большим ртом можно мно-ого наговорить всякой всячины». Но удержался. С этой минуты он горячо невзлюбил директора и даже забыл подумать, откуда новичку известны такие факты, как припрятанный до поры до времени акт о падеже свиней в колхозе «Пламя коммунизма», в котором есть и эти слова: «безалаберность» и «халатное отношение». – Несдобровать нам тогда! А? – Аксеныч окинул насмешливым взглядом соседа. Он тоже решил казаться насмешливым.

– Не знаю, как насчет сдобровать, но акты из столов... – тут директор несколько замялся, – акты придется вытащить. Они не для того пишутся, чтобы лежать в столах. Правильно? – Директор засмеялся и хлопнул Аксенова по плечу: он отчего-то развеселился.

Аксенов резко шевельнул плечом, скидывая руку директора.

– Не лапай, я не баба.

– О!

«Запугать хочет. Как с ребенком разговаривает; стервец. Стреляный воробей,

Правда. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru вообще-то говоря, – думал Аксенов. – В секретари метит. Как бы тебя ущемить, черта лысого? Высажу сейчас посреди дороги. Скажу, что в другую сторону надо». Но вместо этого неожиданно для себя Аксеныч покосился на директора и усмехнулся.

– Поглядим, сосед, как ты развернешься. Ой, поглядим!

– Развернемся! – Директор улыбнулся бескровными губами. И так хорошо он улыбнулся, что Аксенов почему-то вдруг поверил: этот развернется. Что-то такое было у него припрятано про запас – и чувствуешь, но не понимаешь, что именно. Развернется и будет все такой же насмешливый и спокойный.

– Посмотрим, посмотрим! – еще раз сказал Аксенов, и таким тоном, точно обещал новичку верную каторгу через год-другой.

Но удивительное дело: сам он не поверил в то, в чем хотел убедить нового директора, и почувствовал фальшь в своем самонадеянном, ни на чем не основанном тоне, когда произнес это «посмотрим». «Черт его знает... пугаю к чему-то человека».

Горечь от сознания, что человек, сидящий рядом с ним, имеет смелость быть правдивым и прямо смотреть ему в глаза, прошла у Аксенова; эта горечь сменилась теперь острым желанием и самому заглянуть в глаза новому человеку, послушать его, понять, откуда у него такая уверенность в себе и в своих будущих делах на новом месте. Аксенов вовсе не струсил и не заискивал перед новым соседом – он сам был достаточно силен и крут, чтобы не заискивать, – просто захотел узнать этого человека поближе.

– Откуда сам?

– Из Калуга.

– Инженер?

– Точно.

– К нам... по охоте аль неволей?

– По охоте, почему же неволей! – Новичок повернулся к Аксенову, и на его сером квадратном лице изобразилось удивление.

«Значит, инженер так себе. Хорошего не отпустят с завода, – не без ехидства подумал Аксеныч. – Воображаешь ты много, друг милый».

– А все-таки зря ты легко смотришь на свое, так сказать, ближайшее будущее, – не удержался и еще раз сказал Аксенов. – Наше дело сложное, посложней заводского.

– Ничего, – сказал новичок, и Аксенова опять взяла досада: в конце концов не мешало бы новичку прислушаться к словам опытных людей. Едет, как к теще на блины.

Подъехали тем временем к чайной на окраине большого села. Остановились.

– Закусим?

– С удовольствием! – оживился новый директор. – Есть хочется.

Сидели друг против друга за маленьким квадратным столиком, ждали официантку.

Директор, склонив большую полированную голову, изучал синие кружочки на клеенке. Аксенов смотрел на него. И в нем родилась вдруг озорная мысль.

– По сто пятьдесят, что ли, закажем?

Директор поднял голову.

– Не пью.

«Брось ты... Поставить себя хочешь».

– В чайной или вообще?

Директор усмехнулся.

– Вообще. А вот курить не могу бросить. – Директор полез за папиросами. – Три раза бросал – не вышло.

– Ты, наверно, думаешь, – начал Аксенов, пошевелившись на стуле, – вот, мол, припугнул председателя актом, он теперь виляет передо мной, выпить предлагает. Так?

– Нет, не так. Акт – это само собой. Между нами, я бы все-таки не полез на твоём месте на трибуну с такой речью. Совесть же надо иметь, елки с палкой! Я, грешным делом, смекнул там, на совещании: может, думаю, у него пересмотрели это дело с падежом, комиссия какая-нибудь была. А в машине понял, что никакой комиссии не было – акт лежит у тебя под сукном.

– Тебе бы следователем работать, – съязвил Аксенов, чувствуя, как к сердцу снизу подмыла едкая волна – стыд. Стыд и злость опять овладели им. – Так вот слушай: акт этот я опротестовал и на самом деле жду комиссию. Чтоб ты знал. – Аксенов сказал это, в упор глядя на директора, не скрывая злости.

Этот человек бесил его и вместе с тем привлекал. Аксенов знал, что не смог бы сейчас встать и уйти, оставив за спиной эти спокойные, правдивые глаза. Хотелось уж теперь досидеться до той поры, когда самому возможно будет прямо взглянуть в них, в эти глаза, и чувствовать себя при этом спокойным и уверенным. Но как это сделать, он не знал. Насчет комиссии он соврал, то есть не то чтоб соврал – он действительно был не согласен с актом ветврача и действительно хотел пригласить комиссию, но он еще не пригласил и акта официально не опротестовывал. В сущности, Аксенов, конечно, соврал и испытывал сейчас такое чувство, точно его, взрослого человека, застали за мелким воровством, будто кто-то неслышно подошел сзади и спросил: «Ты что здесь делаешь?»

«Сегодня же, сейчас же, как только приеду, вызову комиссию, черт ее задери!» – поклялся себе Аксенов.

Услышав, что Аксенов опротестовал акт и вызвал комиссию, директор внимательно посмотрел на него и сказал коротко, деловито:

– Это другое дело.

У Аксенова слабо зарозовели скулы. Ах, до чего, черт возьми, – до зуда в груди – захотелось быть с этим человеком на равных, захотелось вдруг сказать ему какие-нибудь обыкновенные слова вроде: «Это не так, директор» или: «Это другое дело!»

«Нет, к чертям собачьим!.. Надо кончать со всякими такими актами». Аксенов на минуту представил себе, каким спокойным, прямо счастливым он чувствовал бы себя сейчас, если бы за душой не было бы этого темного дела с актом, если бы он был чист. Он бы сейчас толково и обстоятельно рассказал новичку, как трудно управлять большим, сложным хозяйством, чего не надо делать поначалу и что надо сделать сразу, немедленно.. Он улыбнулся.

– Знаешь, о чем тебя попрошу: как только первый раз где-нибудь словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать: проживешь ты без этого или нет?

Директор выслушал, тоже улыбнулся.

– Договорились. Ты думаешь, без этого нельзя?

У Аксенова стало легче на душе.

– Как тебе сказать... Можно, конечно. – Аксенов опять улыбнулся. – Вообще-то так и надо... Эх!.. Забыл, как твоя фамилия?

– Воловик, Николай.

Правда. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Тезки с тобой. Я тебе так скажу, Микола: можно. Мы тут ведь уж подолгу работаем, вросли, так сказать, корнями в дела эти колхозные да совхозные, переплелись друг с другом... Ну и случится иной раз: сказал бы про него, подлеца, правду, да у самого рыло, как говорится, в пуху – смолчишь. Но ты не думай, пожалуйста, что мы тут только и делаем, что скрываем грехи друг от друга.

– Господи!.. Кто же так думает! Дела у вас хорошие, большие. – Воловик говорил серьезно, искренне. – Потому и захотелось попробовать тут свои силенки. Я о том, что обидно, елки с палкой, когда в таких делах случаются...

– Случаются, – перебил Аксеныч и нахмурился, глядя в стол. – Случаются, Микола.

– Вообще совещание мне понравилось. Некоторые очень толково говорили, конкретно.

Аксенов опять покраснел: вспомнил свое выступление.

– У нас есть люди... Первый секретарь – дельный мужик: знает хозяйство... Со вторым нам не повезло малость: суетливый какой-то, шумит много...

Подошла официантка. Заказали два борща, две порции котлет, по кружке пива.

– Борщец тут у нас знатный делают, – похвастал Аксеныч. – В Калуге такого... Хотя ты ж с Украины, наверно?

– Нет, калужанин коренной. Отец украинец был, а жил тоже в Калуге.

– Ты с семьей здесь или один пока?

– Один пока.

– Как устроился-то? Слушай, приезжай сегодня ко мне! Этак к вечерку. Баньку протопим, с неводишком на речку сбегает... Небось стосковался без своих-то? Я тебе поподробнее расскажу про все наши дела, введу, так сказать, в курс дела... Ты поверишь, нет, я чего-то до смерти рад, что познакомился с тобой. Не подумай, что я насчет этого дурацкого акта боюсь. Я всегда оправдаюсь. Чего-то ты мне поглянул, честное слово... – Давно уж Аксеныч не говорил таких простых, хороших слов, давно уж не испытывал такого горячего, участливого уважения к человеку.

Воловик подумал немного и согласился.

– Только... я, понимаешь, не один приеду, если разрешишь. Ко мне дружок заехал... офицер с Дальнего Востока. Демобилизовался. Тоже дела человек ищет. Я думаю, мы ему вдвоем как-нибудь поможем присмотреться. Мне хочется, чтобы он здесь остался... Толковый парень!

На сердце Аксенова расцвела хорошая, благодарная радость.

– Конечно!.. Господи, да мы его тут враз с делом окрутим. Покажу вам свое хозяйство. У меня хозяйство хорошее, Микола. ферма!.. Ты знаешь, какая у меня ферма! Вся начисто механизирована! – Аксеныч широко повел правой рукой; в глазах его засветился счастливый огонек. – Ребята-дояры – вот такие! Комсомольцы. Ты правильно сделал, Микола, что приехал сюда. Поможем! Трудно будет первое время – это точно. Поможем. Я не зря говорю...

Директор слушал, кивал большой гладкой головой – соглашался. Смотрел на Аксенова доверчиво.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!